

Глава 81: Писание, которое не должно быть услышано

Уединение жизни или смерти. После входа результат может быть только одним из двух.

Как правило, можно было уйти в уединение жизни или смерти, когда кто-то надеялся прорваться сквозь весь уровень и увеличить продолжительность жизни. Без Гранул Поцзи для их уровня, и без каких-либо писаний или руководств для следующего уровня, такой прорыв часто был невозможным; из сотен тех, кто выбирает такое уединение, почти никто не выходит. Те, кто успешно завершили такое уединение, прорвавшись дальше, существовали только в рассказах и легендах.

В общем, единственная хорошая вещь в таком уединении заключалась в том, что никто не узнает, жив человек или мертв, и неопределенность будет держать врагов в нетерпеливом страхе некоторое время. Обычно это было последним, что могущественный культиватор мог сделать ради своей секты или клана.

Фактически, большинство людей считало, что высший старейшина Секты Цин-Юнь Юйхэ уже умер. Так как Юйхэ объявил об уединении жизни или смерти только восемь лет назад, поэтому никто не знал наверняка, и они могли только предположить, что он все еще жив. Для культиваторов это была другая форма отхода от жизни, где они будут медленно забыты, вместо того, чтобы объявлять и оплакивать их смерть в смертном мире.

Такие отсрочки жизни или смерти обычно имеют максимальный предел в сто лет. Если человек не выходил из своего уединения в течение ста лет, мастер секты добавил бы дополнительную кучу ладана для него в Зале Предков, и большинство молодых поколений в секте давно бы забыли человека.

«И так, цель, по которой нас сегодня собрали нас всех здесь ...?», - тяжело переспросил мастер секты Чэнь Сюаньхуа.

Бай Цяньчжан улыбнулся. «Конечно, я расскажу вам о некоторых моих исследованиях и знаниях, чтобы что-то осталось от меня в Секте Цин-Юнь».

Услышав это, Чэнь Сюаньхуа и остальные старейшины были вначале потрясены, но вскоре их выражения были наполнены радостью. Все пятеро поклонились и ответили в унисон: «Мы будем внимательно слушать учения великого Шишу».

Бай Цяньчжан вздохнул и медленно начал читать: «Писание Разорванного Гобелена. Красть удачу, преобразовывать в навыки небес, использовать заклинания земли, ...

Голос Бай Цяньчжана был спокоен, но в ушах Чэнь Сюаньхуа и старейшин он был громким, как гром. «Закройте свои уши!» Чэнь Сюаньхуа скомандовал с расширенными глазами, прерывая речь.

Все четыре старейшины закрыли уши и улетели назад, как и приказал им Чэнь Сюаньхуа. Они остановились в воздухе в трех милях отсюда, с тревогой глядя на Бай Цяньчжана. Бай Цяньчжана сам немедленно прекратил говорить и тихо сидел в том же месте, что и раньше.

Чэнь Сюаньхуа был первым человеком, который нарушил молчание спустя некоторое время. «Шишу Бай, ты прибыл в нашу секту Цин-Юнь пятьсот лет назад, и с тех пор, как и предыдущий мастер секты, все здесь относились к тебе как к самому главному гостю. Почему ... почему ты ... почему ты хочешь нанести нам вред? - горько спросил он.

Бай Цяньчжан вздохнул еще раз. «Это вы всегда хотели, чтобы я оставил все свои знания в секте. Почему же тогда это должно навредить вам?

Чэнь Сюаньхуа тоже вздохнул. «Это ... это Писание Разорванного Гобелена должно быть секретным руководством от могущественного клана. Наша маленькая секта Цин-Юнь не может иметь таких техник, поскольку, если кто-то узнает об этом, это будет конец всей нашей секты. Такое знание ... мы, Цин-Юнь, не нуждаемся в этом Мы не смеем... »

Только через некоторое время Бай Цяньчжан наконец сказал: «В таком случае, когда я читал руководство Синего Огня Великого Кузнеца, я сделал некоторые небольшие изменения, чтобы подтолкнуть его к рангу высшего уровня. Я оставлю его в секте в качестве формы компенсации ... ».

После долгого вздоха Чэнь Сюаньхуа ответил с вежливостью: «Если так, спасибо, Шишу Бай!» Чэнь Сюаньхуа позвал главного старейшину Долины Дуаньчжэнь, - который прятался за несколько миль от них - прежде чем он решил призвать остальных. Он сделал это, чтобы устранить любые подозрения, которые он услышал в исании Баи Цяньчжана о Разорванном Гобелене, и показал, что Бай Цяньчжан оставил позади нечто совершенно другое.

Как только это закончилось, Чэнь Сюаньхуа начал говорить с энтузиазмом: «Шишу Бай, на счет ученика по имени Фан Син - »

Бай Цяньчжан покачал головой и прервал: «Я изначально предназначался для него, чтобы он узнал все мои знания, как только он стабилизировал свои основы, но этот ребенок чрезвычайно упрям и непослушен. Он не принимал ни одного из моих советов и всегда использовал всевозможные оправдания, хотя он очень быстро выбирал всевозможные короткие пути и бесполезные навыки. В конце концов, я не смог передать ему свои знания; все три эти года были пустой тратой. Учитель секты, если секта Цин-Юнь имеет чрезвычайно талантливого ученика... ».

Чэнь Сюаньхуа был поражен и неловко улыбался. «Я считаю, что они должны отказаться от этой возможности. Они недостаточно удачны для такой судьбы». Любой человек с умением знал бы, что сказать в таких ситуациях, и сидя на месте мастера секты показывает, что Чэнь Сюаньхуа не был идиотом. Если бы писание, которое Бай Цяньчжан хотел оставить было бы Древнего ранга, он бы с радостью принял его. Даже если бы писание было Божественного ранга, если он не знал, откуда оно, он все равно хотел изучить его у Бай Цяньчжана, несмотря на риск утечки информации и причинения хаоса Цин -Юнь. Но если это было писание Божественного ранга из хорошо установленного клана, с другой стороны ...

Не может быть и речи! Изучение такой вещи только привело бы к неприятностям! Мало того, что такое невозможно выучить, но его даже не смогли слушать! Нужно было дистанцироваться от таких писаний и методов; такие вещи можно было бы считать безопасными только тогда, когда они были невидимы.

«Если так, то я начну уединение жизни или смерти. Все мои друзья на всех землях, я отныне прощаюсь. С длинным вздохом Бай Цяньчжан помахал рукавом своего халата и сложил руку за спиной, прежде чем медленно пошел к внутренней части своего пещерного поместья.

«Не нужно быть в таком настроении, Шишу. Как мы говорим, в этом мире нет ничего абсолютного. Зайдя в уединение, у Шишу есть шанс найти истинный путь бессмертия и, наконец, вступить в перерождение, продлевая срок жизни. До того времени все мы будем ждать возвращения Шишу ... » Чэнь Сюаньхуа говорил искренне, он поклонился.

Остальные четыре старейшины также глубоко поклонились, увидев, что Бан Цзяньчжан уходит. Стук каменной двери оповестил о закрытии пещеры, и хотя граница была только дверь, это была разница между девятым уровнем неба и десятым уровнем ада. Словно беловолосый юноша навсегда исчез.

«Учитель секты, мы ...» Начала старейшина Циньняо из долины Данься.

«Поговорим после того, как мы вернемся к главному пику!» Прервал Чэнь Сюаньхуа. Он отправился на главный пик Цин-Юнь, а четыре старейшины последовали за ним немного позже.

-

«Шици Жукуан, пожалуйста, приведи сюда мальчика», тихо сказал Чэнь Сюаньхуа после того, как он сел, рукой поддерживая подбородок. Черноволосый старец с именем Те Жукуан был главным старейшиной Долины Дуаньчжэнь, а также тем же человеком, который играл в Вэйци с Бай Цяньчжаном. Он ушел, чтобы выполнить приказы мастера секты.

«Учитель секты, возможно, Шишу Бай, не передал ему Писание Разорванного Гобелена, верно?» - спросила старейшина Циньняо.

"Надеюсь нет. В противном случае мы, секта Цин-Юнь, не будем с ним рядом!"

Циньняо нахмурилась. «Учитель секты, я действительно верю ...»

Чэнь Сюаньхуа внезапно прервал ее и пронесся по коридору у всех остальных старших старейшин. «Дорогие Шици и Шимэй, пожалуйста, не думайте, что я слишком осторожен в этом вопросе. Вы должны понять, что причина, по которой Секта Цин-Юнь имеет такую длинную историю, - это наше уединенное место и наш низкий профиль в этом царстве. Быть гладким и устойчивым - это благословение для нас; если мы слишком амбициозны и погружаемся в путаные воды более могущественных ... мы можем даже не узнать, как мы умрем. Этот мир слишком велик ... ».

Главная старейшина Циньняо молча кивнула и отодвинулась в сторону.

Фан Син скоро прибыл. Он не боялся стоять даже перед старейшинами Секты Цин-Юнь, и его взгляд бегал среди всех предметов внутри.

«Ребенок, иди сюда», Чэнь Сюаньхуа позвал Фан Сина и спросил нежно: «За последние три года, что ты узнал от Шишу Байя?»

Фан Син закатил глаза. «Я многое узнал! Я был очень прилежным!»

Чэнь Сюаньхуа помолчал несколько секунд, прежде чем продолжить: «Например?»

Фан Син улыбнулся. «Убийство зверей и демонов. За три года мы путешествовали, я убил не менее ста зверей ... »

Чэнь Сюаньхуа снова остановился, прежде чем продолжить: «Шишу Бай научил тебя каким-то методам или навыкам?»

"Ага!"

От такого ответа Чэнь Сюаньхуа тут же напрягся, а три старейшины с нетерпением ждали.

«Что это было?» Быстро спросил Чэнь Сюаньхуа.

«Синий Огонь Великого Кузнеца ...».

Все в комнате с тревогой смотрели друг на друга, прежде чем Чэнь Сюаньхуа продолжил допрос: «Больше ничего не было?»

Фан Син тщательно обдумал это, прежде чем ответить: «Нет ...».

Это была не ложь. Бай Цяньчжан, помимо «Синего Огоня Великого Кузнеца», не учил Фан Сина другим навыкам; Истинный Огонь Самадхи был получен из Изображения Обезглавливания, а не через Бай Цяньчжана.

Немного подумав о своем, Чэнь Сюаньхуа положил ладонь на плечо Фан Сина и произнес глубоким голосом: «Начни циркулировать свой самый сильный Ци для меня».

Фан Син не осмелился быть небрежным и активировал Ци для него. После того, как Чэнь Сюаньхуа почувствовал это, он отдернул ладонь, слегка вздохнув в сторону остальных старейшин. «Я когда-то встречал кого-то из их клана, поэтому я знаю характеристики Писания Разорванного Гобелена. Оно порочно вне сравнения, с силой уничтожить всех, и если кто-то изучил его, можно узнать это быстрой проверкой. Ци этого ребенка спокойно и нераскрыто, так что это не может быть неправдой».

Остальные старейшины вздохнули с облегчением, некоторые выглядели расслабленными, а другие выглядели несколько сожалеющими. Фан Син, с другой стороны, смотрел на них безмятежно; он не боялся, что они что-то узнают.

«Теперь ты можешь уйти». Чэнь Сюаньхуа попросил Те Жукуан отвести Фан Син, прежде чем еще раз вздохнуть.

«Учитель секты, что нам делать с этим мальчиком?» - спросила Циньняо.

Чэнь Сюаньхуа опустил голову и собрал свои мысли. "Пускай живет. В конце концов, Шишу Бай уже ушел в уединение, и мы не должны прерывать его любыми способами. Все, что мы слышали сегодня, - включая все, о чем мы говорили - не должно быть сказано никому другому, или будем наказаны другими сектами Старейшина Сяо, ты отвечаешь за это. Если обнаружишь, что кто-то нарушает то, что я только что сказал сегодня, тому не будет оправданий! "

«Да». Беспокойный ответ исходил от пожилого человека, одетого в льняной халат. Это был главный старейшина в долине Шаньхэ: Сяо Шаньхэ.